

Стенограмма парламентских слушаний на тему

«О повышении эффективности банковской системы Российской Федерации»

26 апреля 2016 года

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Добрый день! Прошу всех рассаживаться, в первую очередь членов президиума.

Есть предложение сегодня оперативно провести наши парламентские слушания, за полтора часа. У нас, благо, не так много выступающих, но все выступающие имеют свою позицию на сегодняшнюю тему, поэтому буду просить всех быть очень конкретными, но, по возможности, краткими.

Сергей Николаевич, может быть, Вы откроете тогда наше сегодняшнее мероприятие? А потом я сказал бы о приоритетах нашего комитета в части банковского законодательства.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо, Николай Андреевич.

Я тоже присоединяюсь к словам приветствия. Хочу поблагодарить за то, что нашли возможность принять участие в обсуждении столь важной и актуальной темы, которая будет обсуждаться в рамках парламентских слушаний.

Я хотел бы поделиться прежде всего своими впечатлениями от встречи с представителями финансовой, денежной власти Китая, центрального банка Китая, с которыми мне пришлось три недели назад встречаться в краткосрочной командировке. У нас была большая встреча во Всекитайском собрании народных представителей, парламентская плановая встреча. Мы обсуждали около четырех часов приоритетные направления взаимодействия и сотрудничества, и они с большим удовольствием выполнили мою просьбу организовать встречу с ответственными сотрудниками министерства финансов (три заместителя министра финансов, два директора департамента), а потом я встречался с заместителем председателя центрального банка и руководством пекинского технопарка (это тип особой экономической зоны, тоже очень интересно). Мне хотелось посмотреть все эти институты, звенья, которые играют очень серьезную роль в социально-экономическом развитии Китая. И, конечно, эти инструменты было бы неплохо и поизучать с точки зрения применения в нашей, российской, практике.

Конечно, эффективность работы банковской системы, к сожалению, имеет очень размытые критерии. Было бы неплохо порассуждать сегодня на эту тему прежде всего. Это очень важный аспект, очень важный вопрос. Насколько эффективно и продуктивно работает банковская система, настолько эффективно и динамично будет развиваться экономика страны, это очевидные

прописные истины. Тем более в последних трех посланиях Президент, собственно говоря, как раз и делает акцент на это.

Конечно, мы должны посмотреть, какие функции выполняет наш главный институт развития – государственная корпорация "Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)". К сожалению, этих функций он не выполняет. И здесь тоже было бы неплохо услышать ваши точки зрения, ваши мнения. Нам, как палате регионов, очень важно послушать предложения и мнения об участии банковских структур в реализации региональных программ социально-экономического развития, которые, к сожалению, не все, не в полном объеме, я бы даже сказал, провязаны, прописаны с федеральными целевыми программами, из 40, даже не 40, а утверждено 38 паспортов государственных программ. Все это очень важно. Но они не только должны корреспондироваться, региональная программа с федеральными проектировками и программными документами, но и ресурсно, и финансово в первую очередь обеспечены. И здесь тоже место и роль банковской системы, если уж еще раз возвращаться к теме наших парламентских слушаний – "О повышении эффективности банковской системы Российской Федерации".

То есть я еще раз хочу вернуться к той мысли, что главный критерий эффективности банковской системы – конечно, это насколько удачно или в полном объеме банковская система отвечает запросам экономики.

Вот, собственно говоря, такое пожелание и приветствие участникам парламентских слушаний, которые сегодня проходят в стенах Совета Федерации. Спасибо. Желаю всем удачи.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Сергей Николаевич.

Я продолжу о приоритетах нашего комитета. Сегодня у нас тема достаточно широкая, но при этом все понимают значение банковской системы для экономики страны. Государство, понимая это, оказывает существенную поддержку банковской системе. Это и программа докапитализации, которая в прошлом году проходила через механизм ОФЗ. Программа завершена на сегодняшний момент. Я рад, что нашими усилиями туда попали не только крупнейшие, но и региональные игроки. И с учетом того, что был достаточно серьезный фильтр Банка России и каждый банк прошел оценку качества со стороны Центрального банка, все-таки то, что абсолютное большинство банков попало в программу докапитализации (имеется в виду, которые подпадают под параметры), говорит о том, что параметры и критерии программы были выбраны

правильно. Андрей Виленович сегодня будет, наверное, об этом говорить более подробно, я не буду тогда останавливаться.

Также работает постановление № 1044 по госгарантиям, по кредитам с относительно дешевым рефинансированием Банка России. Мы знаем, что у многих есть вопросы к этой программе и у самого Центрального банка. Мы тоже считаем, что эту программу надо переформатировать, чтобы она в том числе имела больший охват и в нее попали реальные представители среднего бизнеса. Надо в ней ограничивать участие государственных компаний, крупных, крупнейших российских компаний, для них есть другие программы поддержки. Но в целом мы убеждены, что эту программу надо в переформатированном режиме продолжать. В частности, как раз на ближайшем выездном заседании комитета мы планируем это обсудить.

Также работает так называемая "Программа 6,5" по поддержке малого и среднего бизнеса – дешевый инструмент рефинансирования со стороны Банка России. Конечно, объем в 50 миллиардов абсолютно недостаточен, мы должны просить Банк России его развивать, поскольку, в общем, программа себя неплохо зарекомендовала, хотя она достаточно молодая.

В целом надо констатировать, что нашей банковской системе не хватает длинных и стабильных денег. Все программы, которые возникают, конечно, очень полезны для бизнеса и для банков, но фактически являются латанием дыр.

В связи с этим мы поддерживаем новую концепцию пенсионной системы, которая обсуждается на площадках Министерства финансов, Центрального банка, так называемого индивидуального пенсионного капитала. Об этом говорил и Министр финансов Антон Германович Силуанов. У нас есть Ассоциация российских банков, и нам кажется, что там нужно поддерживать вовлечение банков в эту систему через накопление на специальных пенсионных счетах.

В целом надо всесторонне обсудить новые подходы к пенсионной системе. Не надо спешить вносить в нее "косметические" изменения, будь то вопросы о переходах из негосударственных пенсионных фондов в Пенсионный фонд Российской Федерации или в другой негосударственный пенсионный фонд, другие моменты, которые сейчас пытаются обсуждать на площадке Государственной Думы. Мне кажется, надо все-таки всесторонне этот вопрос обсудить и, определившись, что называется, с концепцией новой пенсионной реформы, уже подвергать ее менее значительному тюнингу.

Укреплению стабильности банковской системы будет помогать и скорейшее решение вопроса в части решения Правительства о допуске коммерческих банков к средствам

госкорпораций, госкомпаний, ГУПов, МУПов, фондов и так далее. Постановление обеспечит должную защиту интересов государства при размещении свободных средств, но при этом будет иметь очень важное и знаковое значение для банковской системы.

Призываю Правительство максимально оперативно принять все решения, которые уже очень долго обсуждаются на его площадке. Сейчас какие-то новые критерии в виде заградительного размера уставного капитала в 250 миллиардов, я слышал, возникают. Чем меньше мы будем создавать этих искусственных групп, которым что-то можно, что-то нельзя, все-таки, мне кажется, внешнее восприятие нашей банковской системы будет как максимально стабильной.

Я, конечно, надеюсь, что все эти дискуссии в силу того, что у нас до сих пор не заработало наше национальное рейтинговое агентство АКРА или другие агентства, которые будут работать по новому закону о рейтинговых агентствах... Как только это случится и они действительно начнут выдавать рейтинги (надеюсь, что они начнут с банков из субъектов Российской Федерации), я надеюсь, что у нас не будет необходимости в этих дискуссиях, а будет один нормальный, принятый во всем мире инструмент – это рейтинг надежности, рейтинг кредитной способности.

Коллеги, напомню, что недавно Государственная Дума рассмотрела на своей площадке основные направления развития финансового рынка на 2016–2018 годы. Мы также принимали участие в этом обсуждении, давали свои замечания. Мы поддерживаем такое предложение регулятора, как применение селективного подхода к регулированию и надзору за финансовыми организациями, считаем, что это позволит Банку России более эффективно осуществлять контроль за деятельностью финансовых организаций. Мы также поддерживаем и идею расширения механизма профессионального суждения Банком России. Предлагается также внедрить дополнительные требования к системно значимым финансовым организациям, чья финансовая несостоятельность может угрожать финансовой стабильности. В частности, для системно значимых банков планируется внедрение новых нормативов ликвидности в соответствии с Базель III. Это, конечно же, придаст дополнительную устойчивость всей финансовой системе. Однако нам кажется, что надо идти дальше и дать право не только крупнейшим, но и средним и малым банкам жить по этим правилам, кто, собственно, чувствует в себе силы, кто может, кто хочет (почему бы нет?). Только наряду с более жесткими требованиями должны, безусловно, открываться и равные возможности для всех.

В целом должен сказать, что регулирование и надзор со стороны Банка России за последние годы сделали большой шаг вперед. Подтверждением этому является высокая оценка со

стороны Базельского комитета. Центральный банк почему-то скромно об этом всегда молчит, но, по-моему, этим можно гордиться. Поэтому лично я поздравляю Центральный банк с этим серьезным достижением.

Коллеги, я хотел бы перейти к блоку законодательства. У нас заканчивается весенняя сессия, вместе с весенней сессией заканчивается весь очередной созыв Государственной Думы. И одной из целей наших сегодняшних слушаний хотелось бы видеть обсуждение срочных и нужных для рынка, для участников рынка, для потребителей финансовых услуг законопроектов. Упомяну лишь те, которые нужно принять в кратчайшие сроки, для того чтобы у Центрального банка, в частности, был весь инструментарий.

Первый – это законопроект об оценке залогов, который внесен нами с Гончаром Николаем Николаевичем в Государственную Думу. Законопроект принят в первом чтении и будет дорабатываться ко второму чтению. Он дает право Центральному банку проводить оценку залогового имущества, поскольку, вы знаете, нередки случаи подлога его наличия и стоимости, что, в свою очередь, неизбежно ведет к искажению банковской отчетности. Одновременно в рамках этого законопроекта, возможно, нам нужно навести порядок в части введения реестра залогового имущества, чтобы исключить вероятность многократного залога. Вы знаете, что были попытки сделать это и раньше, однако до сих пор эта система не работает.

Второй законопроект, который тоже находится на рассмотрении и будет принят в ближайшее время, – это проект федерального закона "О коллекторской деятельности в Российской Федерации". Уверен, что вы уже успели досконально изучить внесенный спикерами обеих палат законопроект. Кто-то говорит, что он слишком жесткий, кто-то говорит, что слишком мягкий. Скажу одно: он достаточно разумный для того, чтобы защитить базовые права граждан, чтобы не убить отрасль в ее добропорядочной части.

Это, однако, не означает, что мы в него не планируем вносить "косметические" правки, которые не меняют его концепции. Как раз это сейчас обсуждается на площадке Правительства с участием Центрального банка, с участием депутатов, сенаторов. Поправки коснутся уточнения понятия третьих лиц, уточнения регламента взаимодействия и подачи гражданином отказа от взаимодействия. Уточняем нормы, связанные с нераспространением действия закона на судебную стадию и на исполнительное производство, ряд других моментов. Также мы там обсуждаем, в частности, вывод из-под действия этого закона индивидуальных предпринимателей, то есть тех, кто несет предпринимательский риск, ну и другие моменты. Я думаю, мы тоже можем сегодня в выступлениях коснуться этого.

Не остается в стороне и вопрос совершенствования законодательства в сфере ПОД/ФТ. Нами внесены проекты законов, направленные на упрощение порядка осуществления процедур идентификации клиентов, в том числе за счет увеличения минимальной суммы операции, при совершении которой не проводится идентификация (до 40 тысяч) или проводится упрощенная идентификация (до 100 тысяч).

Также наш комитет и Совет Федерации в целом очень волнует тема аудиторов, которая вскрылась в самом своем неприглядном виде в последнее время. Поэтому мы убеждены, что надо ужесточать регулирование аудиторской деятельности, в том числе повышать ответственность, вплоть до уголовной, для руководства и аудиторов, которые дают ложные заключения, заведомо ложные заключения. Нужно усиливать взаимодействие аудиторов с мегарегулятором в части, когда мы говорим об аудите кредитных организаций. Мы предлагаем ввести требования к минимальной величине чистых активов организации, увеличить объем дополнительных работ при обязательном аудите, в том числе указание и упоминание в отчете о независимой проверке остатка денежных средств и ценных бумаг. Вы знаете, что зачастую в этом и обнаруживает регулятор дыры в балансах. И также, по нашему мнению, необходимо вернуть либо реестр, либо лицензирование аудиторских компаний.

Следующая тема – это ужесточение ответственности за организацию выдачи займов и кредитов организациями, не лицензированными Банком России и не входящими в реестр, то есть фактически за незаконную деятельность по выдаче потребительских займов. Мы предлагаем за эту деятельность усилить административную и ввести уголовную ответственность. Эти поправки мы вносим вместе с пакетом по ужесточению регулирования микрофинансовых организаций, а именно – введению двукратного превышения суммы процентов, пеней, то есть удорожания, над остатком долга в случае просрочки. Напомним, что с 29 марта действует четырехкратный размер, так называемое правило "четырёх икс". Сейчас мы предлагаем перейти к размеру "два икс". Более того, мы хотим распространить эту норму впоследствии не только на микрофинансовые организации, но и на других кредиторов, в частности и кредитные организации. Также в этом пакете пойдет право Банка России устанавливать стандарты по ограничению количества займов в одни руки для гражданина и количества пролонгаций микрозаймов в год.

В завершение я хотел бы сказать, что мы получили позицию, реакцию Центрального банка на наши предложения, которые мы озвучивали на последнем заседании Межрегионального банковского совета при Совете Федерации и которые касались внедрения клиентоориентированной отчетности. Напомню, что мы предлагали ввести отчетность,

характеризующую качество активов кредитной организации, с комментарием о характере деятельности и финансовом состоянии заемщика, наличие и качество обеспечения. Естественно, я еще раз повторюсь, речь шла о соблюдении всех видов тайн: и банковской, и государственной.

Мы также предлагали ввести отчетность, раскрывающую долю активов кредитной организации, принятую или подходящую под требования к принятию в качестве обеспечения по операциям рефинансирования Центрального банка, будь то положение № 312, будь то РЕПО Ломбардного списка. Также предлагали ввести отчетность, отражающую денежные средства и ценные бумаги в активах кредитной организации, которые находятся на корреспондентских счетах в других кредитных организациях и депозитариях, которые подконтрольны или, наоборот, неподконтрольны Банку России. Также все эти виды отчетности... Мне кажется, надо дать право кредитным организациям раскрывать эту информацию на своих сайтах или сайте Центрального банка, понимая, что, возможно, не все их можно вводить в качестве обязательной отчетности.

На все эти предложения есть в целом позитивная реакция Центрального банка. Какие-то предложения поддерживаются однозначно, какие-то – с оговорками. Я думаю, что Василий Анатольевич будет иметь возможность прокомментировать, если сочтет это нужным.

Уважаемые коллеги, я предлагаю перейти к выступлениям. У нас сегодня очень обширное представительство – руководство Центрального банка, представители Счетной палаты, наших уважаемых ассоциаций, Государственной Думы, Министерства финансов и других ведомств. Конечно, в нашем заседании традиционно принимают участие многие сенаторы и представители экспертного сообщества.

Прошу первым взять слово Василия Анатольевича Поздышева, заместителя Председателя Банка России.

Василий Анатольевич, Вам слово.

В.А. ПОЗДЫШЕВ

Большое спасибо. Я хотел поблагодарить Совет Федерации за приглашение поучаствовать в дискуссии. Я, к сожалению, в самой дискуссии долго не смогу участвовать. У меня есть 15–20 минут, я постараюсь в них уложиться и, если будут вопросы, на них ответить.

Что касается тематики сегодняшнего заседания, каким образом мы можем повысить эффективность работы нашей банковской системы, я рассматриваю это под углом, каким образом Центральный банк может способствовать повышению эффективности работы банковской системы. Я выделил для себя 10 направлений, они, конечно, не полностью покрывают всю эту тематику, но это программа минимум, которую нам нужно сделать, которую делает Центральный банк.

Прежде всего, для того чтобы банковская система выполняла свою функцию финансового посредника, у нее должен быть запас капитала, то есть именно та "подушка" капитала, с помощью которой банки имеют возможность использовать эффект финансового рычага и кредитовать экономику. В этом направлении Правительством и Центральным банком сделано два очень важных шага. Они были сделаны в прошлом году. О первом Николай Андреевич уже сказал – это докапитализация, это почти 1 трлн. рублей, который вошел в капиталы большого количества российских банков, и действительно не только крупнейших, но и региональных, это очень важно. Банки взяли на себя определенные обязательства. Мы проверяем, каким образом они эти обязательства выполняют. И, насколько я знаю, Андрей Виленович впоследствии расскажет нам, каким образом они проверяют, как банки выполняют взятые на себя обязательства. Эта работа идет, и я уверен, что тот 1 трлн. рублей, который пошел в капиталы российских банков с эффектом финансового рычага, оказался уже и окажется, дошел до конечного потребителя этих финансовых услуг.

Что было сделано еще со стороны Центрального банка, что имеет не меньший, а, может быть, даже больший эффект с точки зрения возможности банковской системы кредитовать национальную экономику? Это изменение норматива достаточности капитала. Если вы помните, нас очень много критиковали по поводу приведения нашего банковского регулирования в соответствие с международными стандартами. Но мало кто заметил, что в рамках именно приведения в соответствие с минимальными базельскими требованиями основной норматив достаточности капитала (бывший N1, теперь N 1.0) был снижен с 10 до 8 процентов. И это снижение (я напомним, что сейчас уровень достаточности капитала по системе у нас превышает 12 процентов, минимум – это 8) – 4 процента достаточности капитала.

Опять же я напомним, что общий капитал российских банков сейчас чуть выше 9 трлн. рублей, 3 трлн. рублей с лишним – запасы капитала для кредитования экономики. Даже если в этом году наши банки создадут, по моим оценкам, около или даже чуть больше 1 трлн. рублей резервов (это будет уже третий год повышенного доформирования резервов; и это даже хорошо, что у наших банков есть возможность создавать повышенные резервы, оставаясь при этом (я говорю не про все банки, а про банковскую систему в целом) прибыльными), то останется более 2 трлн. рублей капитала для кредитования экономики. Что это означает при минимальном уровне достаточности капитала? Это означает около 20 триллионов кредитного потенциала, который в банковской системе уже существует, и этот кредитный потенциал должен быть использован на протяжении нескольких следующих лет. На наш взгляд, этого вполне

достаточно. Теперь весь вопрос – чтобы этот потенциал был использован. Но опять же напомним цифры: этот 20-триллионный кредитный потенциал можно сравнить с 43 триллионами кредитов, которые наши банки выдали экономике в настоящее время. Запас капитала дает возможность прокредитовать экономику на 50 процентов от того, от чего она еще прокредитована, то есть запас для роста кредитования с точки зрения капитала у нас обеспечен.

Что теперь нужно? Нужно, чтобы это кредитование было эффективным. Здесь есть несколько направлений. Первое – эффективное кредитование может быть только тогда, когда работают правила эффективной и честной конкуренции, я подчеркиваю – честной конкуренции, а не просто частной конкуренции. В этой связи мы поддерживаем инициативы (Николай Андреевич несколько из них уже озвучил), которые направлены в сторону большей транспарентности работы кредитных организаций перед кредиторами и вкладчиками, перед теми организациями, которые размещают свои средства в банках. Мы поддерживаем инициативы, направленные на большую транспарентность действий регулятора, то есть нас. Как минимум мы считаем, что нужно начать публиковать и делать публичными решения регулятора о введении наиболее жестких мер регулирования, надзорного реагирования, таких как запрет на прием вкладов. Потому что, к сожалению, после введения запрета на вклады об этих мерах знают лица, приближенные к руководству или к собственникам банков, а все остальные вкладчики об этом не знают, и есть случаи, когда банки нарушают этот запрет и, несмотря на его наличие, продолжают привлекать вклады. Поэтому мы поддерживаем подобные инициативы.

Мы поддерживаем создание единого регулятивного поля для всех банковских организаций, включая и небанковские организации, если эти продукты являются одинаковыми, потому что любой регуляторный арбитраж нарушает правила конкуренции и позволяет одним игрокам в чем-то выигрывать относительно других.

Также мы поддерживаем большинство изменений антимонопольной направленности. Это касается и антимонопольной поправки при расчете полной стоимости кредита, это касается и всех законодательных и нормативных изменений, которые делают, скажем так, чуть более обременительной (а в некоторых случаях не чуть, а более обременительной) жизнь наиболее крупных игроков для того, чтобы их вес на рынке не мешал развитию более мелких игроков. Это по теме справедливой конкуренции.

Следующее направление нашей работы в части совершенствования эффективности работы банков – это стимулирование банков к эффективной работе с рисками. Очень важно, чтобы этот кредитный потенциал был не просто выдан в экономике, а чтобы он был выдан на

финансирование рентабельных проектов, проектов с понятной окупаемостью, проектов, которые смогли бы вернуть эти деньги и обеспечить возврат средств вкладчикам, потому что банк финансируется в основном за счет вкладчиков.

Здесь на ближайшую перспективу у нас два направления работы. Первое – это так называемый IRB-подход, он будет касаться пока наиболее крупных банков. Это индивидуальный подход к оценке кредитного риска. Мы будем оценивать внутренние системы рейтингования и внутренние системы оценки рисков клиентов с точки зрения расчета достаточности капитала. Также это будет касаться в ближайшее время и не самых крупных банков, потому что в этом году вступило в силу новое регулирование, которое дает Банку России возможность оценивать внутренние процедуры оценки достаточности капитала и внутренние процедуры оценки рисков клиентов с возможным принятием решения об изменении требования к достаточности капитала к конкретному банку.

Я поясню, в чем заключается новизна этого подхода, его уже давно используют зарубежные регуляторы. Если Центральный банк в результате проверки процедур и процессов принятия кредитных решений и управления рисками выявит, что они не соответствуют минимальным требованиям Центрального банка, то у нас будет возможность потребовать от банка дополнительного капитала. То есть это и будет, на наш взгляд, стимулировать банки к наличию корректных процедур управления рисками и к наличию корректных процедур выдачи кредитов и принятия кредитных решений, обоснованных кредитных решений, а не, скажем так, кредитных решений, которые принимаются по телефонному звонку собственника, что, к сожалению, тоже бывает.

Следующее направление нашей работы. Чтобы банковская система была эффективной, регулятор должен ограничивать явные зоны риска и стимулировать банки не расширять кредитную экспозицию на эти зоны риска. Как простой пример я могу привести риск на бизнес собственника. Вы знаете, что у нас уже два года подряд откладывается внедрение нового норматива H25, который ограничивает риски кредитования связанных с банком сторон. Имеется в виду кредитование заемщиков, связанных с собственниками или с менеджментом банка. Мы очень надеемся и считаем, что с 1 января 2017 года этот норматив должен вступить в силу одновременно с правом Банка России профессионального суждения по связанности или несвязанности этих заемщиков.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Бог троицу в данном случае не будет любить, я надеюсь.

В.А. ПОЗДЫШЕВ

Мы очень на это надеемся.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Не допустите этого, пожалуйста.

В.А. ПОЗДЫШЕВ

Да. Мы очень на это надеемся.

Мы понимаем, что предложение перенести внедрение этого норматива во многом было связано с общей макроэкономической ситуацией. Но поскольку в этом году статистика говорит о том, что банковская система восстанавливается, мы считаем необходимым все-таки это ограничение ввести.

Так вот, почему мы говорим о том, что кредитование собственников нарушает и делает банковскую систему менее эффективной? По совершенно очевидным причинам. Кредиты, которые выдаются собственнику, очень часто выдаются не на рыночных условиях. Их обслуживание проходит очень часто не на рыночных условиях. Их реструктуризация в большинстве случаев (то, что мы видим) происходит не на рыночных условиях. Соответственно, чем меньше будет экспозиция банков на проекты своих собственников, тем более эффективной будет наша банковская система.

Отдельным направлением будет вестись работа по недопущению использования различных схем и махинаций. Вы знаете, что мы эту работу ведем. В первую очередь в этом году она будет касаться вычищения схем фиктивного капитала, она будет касаться корректной оценки рисков, хорошо спрятанных в портфельных ссудах. Мы будем иметь возможность экстраполяции при предъявлении повышенных резервов на портфельные ссуды по выборке из них. Это будет касаться отдельной оценки рисков (это уже сейчас происходит) по зарубежным активам. Банки тоже это чувствуют. И это будет касаться отдельной работы в части оценки залогов. Я уже много раз говорил о том, насколько серьезно переоценка залога может повлиять на результат банка и на его капитал.

Здесь мы имеем, с одной стороны, и поддержку (я ее услышал) со стороны Совета Федерации, чтобы у Банка России было свое право делать экспертизу. Мы даже не говорим слово "оценка", мы говорим "экспертизу залога". Как минимум этой экспертизой можно проверить три составляющие – физическую (наличие залога, есть ли этот залог на месте, стоит ли это здание или не стоит и является ли это зданием), юридическую (правильно ли оформлены права) и какова рыночная стоимость этого залога. Потому что очень часто мы видим, что либо одна, либо вторая,

либо третья составляющая (а иногда даже все три) не соответствует тому, что заявлено. Все это оказывает очень серьезное влияние на финансовый результат банков и, соответственно, на их капитал.

Опять же почему мы боремся с подобными схемами и считаем это важным? Потому что их наличие серьезно искажает конкуренцию. Вот есть участники рынка, которые дают честно отчетность, корректно оценивают свои залоги, корректно раскрывают источники своего капитала, а есть участники того же самого рынка, которые делают все это некорректно. Соответственно, вся нагрузка, в том числе и надзорная нагрузка, ложится и на тех, и на других. Поэтому мы ставим первоочередной задачей сделать зачистку всех этих схем, для того чтобы впоследствии облегчить надзорную и регуляторную нагрузку на добросовестных участников рынка.

Следующее направление нашей работы – это оптимизация административной нагрузки на банки. Очень многие банки говорят о том, что административная нагрузка (в частности вопросы, связанные с отчетностью) чрезвычайно высока и постоянно увеличивается. Но здесь нужно сказать следующее. С одной стороны, во всем мире регуляторная нагрузка на банки сейчас увеличивается, и это нужно просто принять как данное. С другой стороны, что мы стараемся делать? Мы стараемся переходить на электронный оборот в части взаимоотношений банков с нами, с регулятором. Есть уже в рамках пилота несколько банков, которые будут взаимодействовать с нами через электронный кабинет, и эта практика будет расширяться. Мы считаем, что обмен бумажными документами не настолько эффективен в большинстве случаев. Если уж нужно проверить конкретные документы, мы их запросим и проверим. Это и повысит оперативность, и снизит издержки банков.

Также есть очень большой, дорогостоящий для нас, сложный проект под названием "XBRL". Он касается отчетности. Пока мы делаем этот проект в некорпоративных организациях, потому что у них нет никакой отчетности, им проще начать с нуля и сразу поставить это на нормальную системную базу XBRL. XBRL – это Extensible Business Reporting Language, это датацентричный формат передачи финансовой информации, который используется в мире большинством регуляторов, между регуляторами и банками, между банками и аудиторами, для того чтобы банки сдавали свою отчетность именно в формате data, а не в формате неких табличек, многие из которых действительно пересекаются. Мы считаем, что этот проект в дальнейшем будет распространен и на банки.

Единственное, мы понимаем, что это довольно значительные инвестиции, поэтому пока подключаем банки к этому проекту на добровольной основе. Мы предполагаем, что Банк России

сам возьмет достаточно значительную часть этих издержек на себя. После внедрения этого проекта в жизнь... на это уйдет... У других регуляторов (зарубежных) на это уходило от трех до пяти лет. Это достаточно сложный проект – заместить всю надзорную, статистическую, другую финансовую отчетность, из одного формата перенести ее в другой и "выкачивать" из банков просто-напросто данные, из которых потом мы уже сами можем делать самые разные таблицы, графики и параметры, которые нам нужно. Но мы надеемся уложиться в более короткие сроки. Но опять же повторяю, что по причине значительных издержек пока мы будем подключать банки к этому проекту добровольно.

Соответствие регулирования международным стандартам – тоже очень важная вещь. Да, действительно, наше регулирование признано соответствующим. Мы постарались по максимуму учесть особенности нашего финансового рынка и нашей экономики. Как минимум я приведу две особенности.

Мы единственная страна, где сохраняется упрощенный стандартизированный подход к оценке кредитного риска, единственная страна Базельского комитета, потому что в нашей экономике нет рейтингованных заемщиков, их очень мало. И мы одна, по-моему, из четырех стран, которым был позволен специальный подход при расчете норматива ликвидности, поскольку наша государственная политика, финансовая политика государства не опирается на значительный объем выпуска государственного долга, в отличие от многих других стран. Отсутствие государственного долга на рынке мы заместили кредитными линиями Центрального банка. То есть я просто хочу сказать, что да, мы получили соответствие, но это соответствие сделано с учетом (и мы отстаивали) особенностей нашей экономики, особенностей нашего финансового рынка, что мы и будем продолжать делать в Базельском комитете.

Хочу особо отметить необходимость обеспечения эффективного взаимодействия между секторами финансового рынка, опять же эффективного взаимодействия. И мы будем уделять особое внимание этому в рамках ведения консолидированного надзора. Сейчас наши надзорные действия, в отличие от предыдущих лет, ведутся не просто отдельно по банкам, отдельно по страховым компаниям, отдельно по пенсионным фондам, сейчас даже проверки, которые мы готовим и осуществляем, выходят одновременно во все компании группы. И надзор мы ведем одновременно за всеми финансовыми компаниями группы.

Для чего мы это делаем? Потому что мы видим, что, к сожалению, собственники банков, которых мы ограничиваем по приему вкладов, потому что собственники этих банков в основном (я говорю на какой-то анонимной базе) фокусировали деятельность этих банков на

финансировании своих собственных проектов, и некоторые проекты не совсем экономически удачные, пытаются выйти в другие сферы финансового рынка, купить управляющие компании, которые управляют негосударственными пенсионными фондами, и использовать эти ресурсы в качестве ресурсов для финансирования своих тех же самых проектов, которые теперь не могут финансироваться банками. То есть эти риски мы тоже должны ограничивать именно по причине того, что такая деятельность неэффективна. Любое финансирование должно осуществляться на рыночных условиях.

Последнее направление работы, которое достаточно болезненно воспринимается банками, но оно абсолютно необходимо, – это наше взаимодействие с правоохранительными органами. Мы значительно расширяем периметр этого взаимодействия, потому что в обязательном порядке нужно проводить работу по устранению практик преднамеренных и криминальных банкротств и вывода средств кредиторов и вкладчиков в пользу собственников банков. Эта работа нами будет проводиться, и я надеюсь, что она будет законодателями поддержана.

Я считаю, что те меры, которые я перечислил, будут способствовать укреплению устойчивости финансовой системы, повышению ее прозрачности перед кредиторами и вкладчиками и в принципе претворению в жизнь очень простого принципа: здоровые банки – это здоровая экономика. Когда я общаюсь с представителями банковской индустрии, очень часто мне говорят: "Вы знаете, у нас же такая экономика: и рейтинги у нее плохие – ВВВ, и серая зона в экономике большая, и вообще очень много непонятного. Вот у нас какая экономика – такие и банки". Я стараюсь им отвечать: нет, давайте начнем с себя, давайте сделаем банки чище и лучше, тогда у нас и экономика будет чище, лучше и эффективнее. И мы стараемся придерживаться именно такого подхода. Спасибо.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Василий Анатольевич.

С учетом того, что надзорный блок Центрального банка достаточно открыт для общения для банковского сообщества, достаточно часто и на площадках ассоциаций происходит общение с банками, я хотел бы спросить своих коллег-сенаторов: есть ли вопросы к Василию Анатольевичу? Поскольку ему надо немножко пораньше нас покинуть.

Если вопросов нет, тогда, наверное, пойдём дальше.

Спасибо большое, Василий Анатольевич, за интересный доклад.

Андрей Виленович Перчян, аудитор Счетной палаты.

Андрей Виленович, расскажите нам, пожалуйста...

А.Г. АКСАКОВ

Вопрос...

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Я же спрашивал...

А.Г. АКСАКОВ

...от коллеги-депутата, не члена Совета Федерации. По поводу реальности деятельности организаций. Сплошь и подряд надо проверять теперь кредитным организациям "Роснефть" и так далее. В чем смысл таких требований? Понятно, что если какая-то там живопырка и так далее, а когда крупные организации, деятельность которых не вызывает сомнений, тем не менее надо проверять реальность их деятельности.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

А как понять – живопырка или "Роснефть"?..

В.А. ПОЗДЫШЕВ

Если ее деятельность не вызывает сомнений, тогда проверять ее не надо, это абсолютно очевидно. Но я много раз рассказывал, как работает это регулирование, что есть признаки отсутствия реальной деятельности и при наличии этих признаков в деятельности заемщика банк обязан его проверить и иметь в кредитном досье подтверждение того, что он реален, если он реален. Банк имеет право при наличии этих признаков принять решение, что заемщик осуществляет реальную деятельность. Но когда придет проверка, пожалуйста, покажите нам почему. В большинстве случаев этого нет.

В большинстве случаев что происходит? В один день банк принимает 200 решений по 200 заемщикам, что все они реальны. И тогда нам приходится по всем этим 200 заемщикам ездить и убеждаться, что там на самом деле. И как минимум в половине случаев оказывается, что этих заемщиков там нет.

"Роснефть" никому проверять не нужно.

А.Г. АКСАКОВ

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Но сигнал-то поступает, что надо проверять всех подряд, в том числе и тех, кто не должен вызывать сомнений.

В.А. ПОЗДЫШЕВ

Анатолий Геннадьевич, я не знаю, от кого поступает такой сигнал. Я пояснил, как это регулирование работает, и вроде бы оно работает уже целый год, и банки понимают, что нужно делать.

У нас действительно периодически возникают спорные вопросы, но тогда банк приходит к нам, показывает нам, что делает заемщик. Мы вместе с банком иногда выезжаем смотреть, что делает заемщик. Если мы убеждаемся, что он действительно осуществляет реальную экономическую деятельность, все проблемы снимаются.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Василий Анатольевич, Вы очень интересно рассказали о нововведениях, которые планируются, таких как XBRL, клиентоориентированная отчетность – все это очень важно. Но я знаю, что, скажем так, трудовые ресурсы тоже ограничены. Мне кажется, здесь все приоритеты должны быть под номером 1. Здесь нельзя расставлять приоритеты, поскольку рынку в этот сложный период очень важны прозрачность, доступность и прозрачность. Поэтому просьба, условно, набрать сколько вам нужно – 50, 100, 300, 500 человек, для 60 тысяч сотрудников Центрального банка большого изменения не будет, но всю эту работу сделать все-таки в максимально короткие сроки, поскольку действительно это рынку очень нужно.

В.А. ПОЗДЫШЕВ

Мы и нацелены сделать эту работу в максимально короткие сроки. И все те направления работы, которые я обозначил, – это приоритетные направления работы.

Более того, вы, наверное, уже знаете, что внутри надзорного блока Банка России было принято решение о реорганизации и о создании единой централизованной службы анализа рисков. Мы, конечно, не будем просить дополнительную численность, мы реорганизуемся внутри себя, потому что у нас тоже стоит вопрос повышения эффективности надзора. И после создания этой службы (она сейчас уже создается) мы гораздо быстрее и эффективнее сможем анализировать банковские риски. Здесь направление пойдет по двум тематикам. Во-первых, эта работа будет централизована, то есть мы уйдем от оценки, скажем так, кредита, если это кредит, в зависимости от того, в балансе какого банка он находится. Потому что оценивать нужно в первую очередь заемщика. А во-вторых, будут работать специализированные люди, которые будут оценивать специализированные риски. Как построена работа сейчас? Куратор банка должен быть мультистаночником, или многостаночником. Он должен хорошо разбираться и в кредитных рисках, и в ценных бумагах, и в деривативах и иметь возможность оценивать залогов.

Естественно, набрать большое количество людей такой высокой квалификации невозможно, поэтому мы пойдем по пути специализации: отдельные люди будут заниматься специальным типом анализа. И я уверен, что это будет гораздо эффективнее.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Хорошо. Спасибо большое.

Коллеги, у нас не так много времени, поэтому я просил бы сосредоточиться всех выступающих на конкретных предложениях.

Андрей Виленович, Вам слово.

А.В. ПЕРЧЯН

Спасибо.

Уважаемый Сергей Николаевич, уважаемый Николай Андреевич, уважаемые коллеги! Наиболее значимыми контрольными мероприятиями в прошлом году в Счетной палате, безусловно, были два мониторинга, которые мы проводили по итогам докапитализации банков (тот самый пресловутый триллион). Я хотел бы вам доложить о некоторых результатах этих проверок, отметить наиболее принципиальные моменты.

Первое. В общем-то, мы увидели, что подготовительный процесс организации, когда были приняты необходимые нормативные документы, проходил очень оперативно. 26 декабря 2014 года были внесены поправки в действующее законодательство, 31 декабря Минфин передал АСВ облигации, 13 января совет директоров утвердил порядок и условия размещения имущественного взноса. А вот дальше, мы констатируем, наступил очень длительный перерыв, и первый банк, который реально получил облигации только в конце апреля, – это был "Совкомбанк", и это была незначительная сумма, а с более крупными банками переговоры, обсуждение условий продолжались до третьего квартала.

Основная часть договоров, как я уже сказал, была заключена во втором полугодии 2015 года, и это означает, что большую часть года средства, выделенные на докапитализацию, пролежали в Агентстве по страхованию вкладов. И даже к концу 2015 года, на который был рассчитан антикризисный план, процесс докапитализации так и не был завершен. Из тех 838 млрд. рублей, которые остались от 1 триллиона (162 миллиарда, как вы знаете, было перераспределено в пользу корпоративных получателей), было доведено до банков 827 миллиардов, или 98 процентов. На сегодняшний день мы констатируем, что процесс завершен, но еще раз хочу сказать, что была потеря темпов. Мы все помним, как нуждалась экономика в деньгах в 2015 году, и, наверное, итоги этой работы нужно не забыть, сделать некий анализ и не допустить повторения такой задержки впредь.

Второе. Менялись условия предоставления докапитализации. Первоначально предполагалось, что для бюджета это будет совсем не обременительно и все купонные доходы будут возвращаться в федеральный бюджет. Но в результате изменения схем наши самые крупные

банки получили средства докапитализации на других условиях, как взнос в уставный капитал, и еще, как я сказал, 160 миллиардов ушло из банковской сферы в другие отрасли. В результате мы констатируем, что две трети от 1 трлн. рублей было доведено до организаций на условиях, которые создают риски невозврата купонных доходов в федеральный бюджет. Даже по итогам 2015 года, когда ОФЗ распределялись в основном во втором полугодии, в результате этих изменений федеральный бюджет недополучил более 20 млрд. рублей. Хочу напомнить, что облигации выпущены на длительный срок и это постоянные риски для доходов федерального бюджета.

Третий вывод, о котором я хотел бы доложить, – как докапитализация повлияла на банковскую систему. Если говорить только о банковской сфере, то, конечно, это влияние положительное. Проведенные мероприятия позволили кредитным организациям нарастить объем собственных средств и повысить показатель норматива достаточности капитала. Из 18 банков, которые представили нам отчеты на конец 2015 года, при отсутствии господдержки показатель норматива достаточности капитала был бы нарушен у семи, а еще у девяти он значительно понизился бы. То есть почти во всех отчитавшихся банках их финансовое положение без докапитализации должно было ухудшиться. Поэтому нужно сказать, что это сработало и банковская система получила очень серьезную подпитку.

Но вместе с тем, по данным бухгалтерской отчетности за 2015 год, 12 докапитализированных банков закончили год со значительными убытками, которые образовались в основном во втором полугодии после получения этой поддержки. Объем убытков составил почти 240 млрд. рублей. При том, что объем государственной поддержки по проверенным банкам был около 800 млрд. рублей, фактическое увеличение капитала проверенных банков составило только 190 млрд. рублей, или 23 процента от полученной суммы.

С этим связан и четвертый вывод – о влиянии докапитализации на экономику в целом. Напомню, что в антикризисном плане докапитализация банковской системы не рассматривалась как самоцель. Ожидаемым результатом этого пункта антикризисного плана было то, что необходимо было обеспечить поддержание нужного уровня кредитования организаций приоритетных отраслей экономики. Формально, по тем отчетам, которые были представлены банками по первым результатам докапитализации, почти все они выполнили условия об увеличении кредитования экономики не менее чем на 1 процент в месяц. По их отчетам, объем размещенных средств в 2015 году составил 2,2 трлн. рублей, в том числе в приоритетные отрасли экономики ушло более 2 трлн. рублей.

Однако проведенные Счетной палатой проверки показали, что отчетность банков о соблюдении установленных критериев в значительной степени носит формально-статистический характер. Хотя АСВ установило требования к использованию банками полученных средств докапитализации, в том числе по росту кредитного портфеля в приоритетных отраслях, однако эти условия носят общий характер – по формальной отраслевой принадлежности организаций, получивших кредиты, без учета предназначения предоставленных им средств.

Между тем основная часть кредитных ресурсов, которые учитываются как рост кредитного портфеля, направляется отнюдь не на развитие производства, а на цели поддержания краткосрочной ликвидности предприятий и организаций реального сектора либо на рефинансирование ранее заключенных кредитных договоров. Основной объем средств был направлен банками на пополнение оборотных средств – почти 90 процентов, на рефинансирование задолженности – 4 процента, а на инвестиционные проекты, мы увидели, – только 45 млрд. рублей, или 2 с небольшим процента.

При том, что банки получили докапитализацию в размере более 800 млрд. рублей и отчитались о размещении свыше 2 трлн. рублей, по состоянию на 1 января 2016 года фактическое увеличение задолженности по размещенным средствам составило всего 460 млрд. рублей, или 20 процентов от объема размещенных средств. Мы считаем, что ожидаемый результат докапитализации для экономики в целом достигнут не был.

И последнее, пятое. В 2015 году мы проверили 10 банков, которые получили докапитализацию. Объем проверенных средств составил 580 млрд. рублей, или более 70 процентов от переданных ОФЗ. При этом на семи из 10 объектов были установлены факты недостоверного отражения данных в отчетах, которые представлялись в АСВ, были выявлены случаи неправильного отражения объемов и целевого назначения выданных кредитов. По результатам в ходе проверок были скорректированы данные отчетов на сумму более 10 млрд. рублей. Но главное – выяснилось, что отчетность о выполнении банками условий получения докапитализации никто, кроме Счетной палаты, не проверяет. Это, конечно, неправильно, и мы обращаем на это внимание АСВ, Минфина, Центрального банка. На заседании совета директоров, которое прошло совсем недавно в Агентстве по страхованию вкладов, мы договорились о том, что, безусловно, и Министерство финансов, и Центральный банк подключатся к этой работе.

В целом Счетная палата отмечает, что докапитализация способствовала укреплению стабильности банковской системы, но при этом мы выявили ряд проблем и недостатков, а ожидаемый результат пока в полной мере не достигнут. Наверное, всё по этим проверкам.

Хочу сказать, что в этом году у нас очень серьезное мероприятие по банковскому направлению. Мы 11 апреля вышли во Внешэкономбанк с комплексной проверкой, как института развития, и в течение трех месяцев почти все наличные силы инспекции банковской будут задействованы в этой проверке. О результатах мы, как обычно, доложим в палаты Федерального Собрания.

Ну и у нас в этом году согласно решению Национального финансового совета проверка финансово-хозяйственной деятельности Центрального банка Российской Федерации. Спасибо за внимание.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Не только же им проверять, но и их тоже...

А.В. ПЕРЧЯН

Да-да, конечно.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Андрей Виленович, так все-таки программа в целом работает? И если нет, то каким образом, Вы считаете, ее надо?.. И вообще возможно ли ее как-то поменять задним числом? Может быть, какие-то другие параметры установить, требования к росту тех или иных активов ужесточить?

А.В. ПЕРЧЯН

Смотрите, как был сформулирован этот пункт в антикризисном плане: "Капитализация кредитных организаций для поддержания необходимого уровня кредитования организаций приоритетных отраслей экономики". Мы считаем, что первая часть – докапитализация банковской системы – проведена успешно, и действительно банки прошли 2015 год без потрясений. Сегодня другая ситуация уже, а в 2015 году очень сложно было бы обойтись без этого решения.

Что касается второй части, того результата, который должен был быть достигнут, для чего все это делалось, – обеспечение необходимого уровня кредитования реального сектора экономики, – вот это на сегодняшний день проседает. Я приводил цифры: 800 миллиардов банки получили, а увеличение ссудного портфеля – всего 460 млрд. рублей за прошлый год. А ведь мы рассчитывали на мультипликативный эффект, и, как сейчас говорил Василий Анатольевич, на каждый рубль в капитал банка банк должен привлечь еще несколько рублей. И при обсуждении этого вопроса в 2014 году в Госдуме именно эти аргументы, я думаю, повлияли на депутатов (и в Совете Федерации – на сенаторов), что этот вопрос был решен таким оперативным порядком. Вот этой цели пока не достигнуто.

Что менять? Программа рассчитана на три года, контролируется в течение трех лет, год мы уже проработали. Да, надо сейчас проанализировать, мы уже накопили достаточно информации. Я считаю, что нужно вносить изменения в соглашение между банками и Агентством по страхованию вкладов, которые учтут уже этот опыт.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Сергей Николаевич, я предлагаю тогда, может быть, нам взять этот вопрос на контроль и в ежегодном режиме обмениваться документами со Счетной палатой, поскольку понятно, что программа ОФЗ долгоиграющая. Десятилетняя, да?

А.В. ПЕРЧЯН

2024 год – последняя дата.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

До 2024 года. Поэтому, может быть, еще не набрали банки необходимый рост, но вполне возможно... я не вижу ничего такого в том, что в программу, может быть, можно (и даже нужно) вносить какие-то изменения, чтобы действительно цели, которые мы ставили, когда принимали закон, были достигнуты.

Сергей Владимирович Барсуков, член совета директоров АСВ, в своем выступлении, я думаю, отразит, прокомментирует то, о чем говорил Андрей Виленович.

С.Н. РЯБУХИН

(Говорит не в микрофон. Не слышно.) ...поручили Счетной палате, надо оформить.

А.В. ПЕРЧЯН

Мы продолжаем мониторинг в этом году в ежеквартальном режиме.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо.

Коллеги, я хотел бы попросить взять слово представителя нашей уважаемой ассоциации.

Должен сказать, что за последнее время очень серьезно продвинулось (опять же с помощью наших ассоциаций – АРБ и Ассоциации "Россия") взаимодействие между банковским сообществом и Центральным банком, как регулятором. На площадках обеих ассоциаций проводятся очень интересные мероприятия, которые просто суперполезны для банкиров, да и, уверен, для регулятора тоже. Вот за это вам огромное спасибо.

И в порядке опоздания я хочу предоставить слово Гарегину Ашотовичу Тосуняну.

Г.А. ТОСУНЯН

Спасибо.

Уважаемые Сергей Николаевич, Николай Андреевич, спасибо за организацию парламентских слушаний. Действительно, апрель оказался насыщенным с точки зрения мероприятий: и парламентские слушания прошли на прошлой неделе в Госдуме, и научный совет Госдумы на позапрошлой неделе тоже заседал, 7 апреля состоялся съезд Ассоциации российских банков, в прошедшую пятницу мы проводили с территориальным управлением Центрального банка по ЦФО очень масштабную и содержательную конференцию. Сегодня у нас проходит конференция с Росфинмониторингом и Центральным банком. И вот это взаимодействие по горизонтали (я уже не говорю о заседаниях президиума АРБ, о других наших форумах с Центральным банком, о рабочих группах), конечно же, капля за каплей составляет такой серьезный объем взаимопонимания. Заседание президиума было с Министром финансов, у Антона Германовича тоже 2 апреля... И в этом смысле мы, конечно, под разными углами зрения рассматриваем проблемы, собственно, сгусток их вполне определенный.

То, что общая постановка вопроса – повышение эффективности банковской системы, – это не удивительно, потому что под эту тему под разными углами зрения надо выстраивать нашу дальнейшую работу. Поэтому я основные акценты продолжаю делать (и эти акценты, наверное, оправданны) на необходимости все-таки новых подходов в банковском регулировании и надзоре, отнюдь не умаляя роль тех проблем и вопросов, которые ставили мои коллеги и из Центрального банка, и Андрей Виленович тоже ставил. Это все очень важные, но разные ракурсы рассмотрения проблемы.

Благодаря нашим совместным усилиям банковская система все-таки имеет достаточно и результатов, и достижений, правда, с проблемами, с очень болезненными эффектами, связанными с отзывом лицензий. Но уже одно то, что наши активы за прошлый год превысили ВВП, – это серьезный шаг. Другое дело, что с точки зрения воздействия на экономические процессы, в общем, мы таких серьезных достижений не демонстрируем уже хотя бы потому, что сами цифры за себя говорят. Всего 6 процентов объема инвестиций в основные фонды совершается за счет кредитов отечественных банков. Для сравнения: в развитых и не очень развитых странах эти цифры выше 25–30 процентов.

И надо понимать, почему мы имеем такие результаты. В частности, для того чтобы активизировать инвестиционный процесс, нужно, чтобы были соответствующие стимулы. А у нас, наоборот, есть дестимулирующие факторы. Чем они интересны? Тем, что при более правильном регулятивном воздействии они не только могут быть устранены, но и могут повернуться в позитивную сторону. Но у нас, когда предприятие инвестирует в модернизацию основных фондов,

его финансовое положение, естественно, ухудшается, потому что сокращаются положительные потоки, растет задолженность, снижается темп выпуска продукции. Но это нормально с точки зрения развития предприятия. С точки зрения позиции регулирования банк вынужден при этом создавать резервы по выданному на такие цели кредиту. И вот здесь нужен творческий подход, не однобокий, не формализованный, если вы вложились, если возникли риски, но эти риски оправданные. Понимаете?

И получается, что из-за не вполне адекватного регулятивного воздействия банкам выгоднее и спокойнее кредитовать торгово-закупочные компании (и на короткие сроки), чем промышленные, строительные и сельскохозяйственные предприятия.

Довольно серьезная проблема. Мы, кстати, весь этот блок проблем поднимали и на съезде в нашем годовом докладе, в котором прямо сформулировано, что делать в интересах развития системы и в интересах развития экономики. Мы их по блокам распределили, все имеют доступ к этому материалу, так что я рекомендовал бы посмотреть. Но чтобы изменить ситуацию, вот эта парадигма банковского регулирования и необходима.

В частности, чтобы преодолеть проблему в связи с приведенным примером, надо все-таки выработать подходы к стимулированию, не торможению, а стимулированию программ модернизации. Ну и сегодня очень популярное слово – "импортозамещение". Целесообразно, наверное, ввести пониженные коэффициенты риска по ссудам, выданным на реализацию проектов по модернизации и импортозамещению, и льготы по созданию резервов на потери по таким ссудам в случае локального ухудшения, оправданного ухудшения финансового состояния.

Наши оппоненты говорят о том, что здесь есть риск того, что будут под эту "сурдинку" всякого рода недобросовестную деятельность осуществлять. Вы понимаете, фактор опять же профессионального контроля... Можно под это дело, конечно, и аферами заниматься, а можно увидеть, что здесь нет аферы, а здесь есть реальное производство. А говорить только о том, что риски повышаются... Еще раз повторяю: риски рискам рознь. Это первое.

Второе – определить критерии существенности при классификации ссуд. На это мы тоже делаем акцент. Банки вынуждены досоздавать резервы на том основании, что даже мизерная доля выданного кредита контрагентам прямо или косвенно направлена на погашение ссуды в другом банке, хотя у банков нет возможности отслеживать все операции заемщиков, во-первых. А во-вторых, вполне логично, если один контрагент – заемщик банка, получив кредит, рассчитывается за поставленную продукцию с другим контрагентом. Поэтому здесь опять же должен быть все-таки подход не формализованный, а связанный с тем, а смысл какой, если мы считаем, что вообще

не должно быть взаимосвязанных заемщиков... Тогда, если до конца формально подойти, некоторые банки вообще вынуждены будут прекратить свою деятельность, потому что у них вся клиентура взаимосвязанная...

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Да у нас через государство все друг с другом связаны.

Г.А. ТОСУНЯН

Да, потому что неразумно так формально подходить.

Представляется оправданным, наверное, введение каких-то критериев существенности от 1 до 5 процентов объема при выявлении признаков, негативно влияющих на классификацию заемщиков и ссуд с точки зрения регулятивных рисков. Причем этот подход также и в области противодействия легализации незаконных доходов тоже должен быть использован, какие-то разумные пропорции, потому что идеальных, так скажем, рецептов нет, но все рецепты должны быть разумными с точки зрения применения регулятивного воздействия, потому что его избыток, как лекарство в большой дозировке, дает противоположный эффект, а недостаток не дает "лечебного" эффекта. Мы перебарщиваем в дозировке, бросаясь из крайности в крайность.

Третье – содействовать транспарентной реструктуризации ссуд. У нас опять же здесь обратная ситуация. В условиях стремительного роста просроченной задолженности кредитные организации, естественно, стремятся реструктурировать ссуды (просто в своих же интересах, это не благотворительность какая-то), помогать заемщикам стабилизировать финансовое положение. И чем прозрачнее будет этот процесс, тем более эффективным он окажется с точки зрения активизации деловой деятельности и обеспечения стабильности кредитных организаций. Но на практике получается, что когда эта работа становится слишком прозрачной, то для кредитной организации это оборачивается, в общем, доначислением резервов. И со стороны регулятора желательно предоставить банкам дополнительные возможности для реструктуризации и не способствовать ухудшению оценки финансового положения заемщика или качества обслуживания долга, потому что нелогично, когда сам банк идет навстречу клиенту, а, по оценке Центрального банка, такой клиент, который подпал под реструктуризацию, к другой категории относится, и сразу начинаются негативные последствия.

Я думаю, что все понимают, о чем идет речь, и мы не в первый раз эту тему поднимаем. Но сила инерции пока очень велика, преодолеть не удастся.

Четвертое – увеличить нормативные сроки реализации залогов. Кажется, мы с Центральным банком уже об этом договорились. 24 марта состоялось заседание президиума

Совета АРБ с участием Эльвиры Сахипзадовны и как раз Василия Анатольевича. Вроде мы договорились. Правда, мы ставили вопрос об увеличении до 360 дней, то есть до года, но пока договорились, что на квартал будет увеличен срок. Но здесь надо понимать, что только одного увеличения срока недостаточно, нужен более объективный подход к оценке рисков, когда оцениваются залого. И было также достигнуто соглашение о том, что если Центральный банк и будет брать на себя функцию оценки залогов, то не сплошняком и не по всем залогам, а по крупнейшим.

Пятое – применять мотивированное суждение при формировании резервов. Мы считаем, что мотивированное суждение должно использоваться не только и не столько для наложения санкций, но и, наоборот, для смягчения условий работы для банков, когда видно, что банк не имеет дурных намерений. И это касается в том числе, и в первую очередь, создания резервов. В ситуации, когда ухудшение финансового положения носит объективный характер и является кратковременным, представляется допустимым не увеличивать требования по резервированию.

Сегодня у меня есть масса примеров. Не далее как вчера ко мне пришел представитель одного банка, я буду просить Центральный банк более лояльно подойти... Хакерская атака, за ним следует резерв, потом следует еще резерв, потом следует проверка, потом следует еще ряд санкций. Спрашивается: если он и так оказался объектом атаки, ну, не по его вине (хотя можно и на него часть вины свалить), тем не менее произошло... банк на очень хорошем счету, зачем его доводить до состояния, когда окажется, что он будет финансово неустойчив в результате не столько хакерской атаки, сколько действий регулятора? А такие примеры есть, в том числе и в конце прошлого года, вплоть до отзыва лицензии. Представитель одного банка пришел и рассказал мне всю эту хронологию событий. Очень часто, к сожалению, используются не столько меры, направленные на оздоровление, на стимулирование... И самое интересное, что даже в арсенале Центрального банка, оказывается, этих инструментов и нет. Когда обращаешься и говоришь: "Помогите в этой ситуации", они говорят: "А мы не можем". То есть как-то ухудшить положение банка возможностей очень много, и даже прописаны некоторые обязательные процедуры, а вот улучшить положение... оказывается, запреты наложены в соответствующих инструкциях.

Шестое – усовершенствовать механизм проверок кредитных организаций. В рамках рабочей группы мы тоже поставили вопрос о том, что не всегда понятны процедуры и правила, по которым регулятор выносит надзорное решение. И предлагается дать банкам возможность ознакомиться с внутренними правилами и, более того, установить все-таки публичные КРІ для

сотрудников регулятора в целом и надзорного блока в частности, потому что надо понимать, что является критерием позитивной оценки деятельности, в том числе и регулятора. Поскольку если критерием оценки является только количество отозванных лицензий, то я не думаю, что это самый правильный подход.

Поэтому одной из проблем надзора является недостаток обратной связи между мегарегулятором и поднадзорными организациями во время проведения их инспекционных проверок. Правда, должен сказать, что мы договорились о том, что при проверках сейчас мы можем использовать такой механизм, что представители ассоциации будут участвовать в них с согласия самого банка и, естественно, с одобрения Центрального банка. Наверное, мы такой инструментарий попробуем реализовывать. И рабочие группы, которые созданы, тоже будут способствовать этой обратной связи.

Ну и, конечно, седьмое, самое глобальное, я об этом говорил, говорю и не устану повторять... До тех пор, пока у нас не сократится количество отзывов: один отзыв в три года или в один год один отзыв... Я говорю о том, что все-таки нужны превентивные меры – выявление на ранней стадии, диагностирование проблем и приход регулятора с целью помочь, оказать содействие; редкие случаи санации, потому что санация – это уже крайняя мера, это когда уже менеджмент отодвигается, когда и собственник может быть отодвинут от управления банком, и уже сверхкрайняя мера – это отзыв лицензии. Поэтому не надо думать, что акценты делаются только на то, чтобы была какая-то пропорция: 10 санаций – пять отзывов, 20 санаций – три отзыва. Нет, этого тоже недостаточно. Ранняя диагностика и успокоение, в общем, рынка, потому что сегодня тот психоз, который на рынке есть, приводит к тому, что происходит переток средств в один-два банка, даже не в два – в один банк фактически. И, естественно, после этого падают процентные ставки по валюте практически к нулям по привлечению; по рублям, значит, тоже можно позволить себе роскошь, снизить ставки. Это в принципе хорошо, снижение процентных ставок в целом приводит и к снижению процентных ставок по кредитам, но если это под силу всем остальным. А если у нас в самой системе...

Кстати, в вопросах расслоения общества есть кривая Лоренца и соответственно коэффициент Джини. Вот Россия все дальше и дальше опускается вниз, когда расслоение общества происходит. Отнюдь не лучший показатель с точки зрения оценки макросостояния нашей экономики. Так вот, если взять эти аналогии коэффициента Джини и кривой Лоренца и перенести в банковскую систему, то мы увидим просто провал этой кривой, потому что буквально, даже не оценивая объективность или необъективность таких оценок, клиентура просто уходит

массово, лишь бы себя обезопасить (вы понимаете, куда уходит, – в единицы банков). А это, естественно, нарушает, уродует конкурентную среду и создает соответствующий дисбаланс во всей экономике. Я полагаю, что нам на это надо особый акцент делать до тех пор, пока мы не достигнем какого-то результата, и со стороны регулятора, и со стороны законодателей, на что мы сильно рассчитываем. Спасибо.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Гарегин Ашотович. Спасибо за то, что не критиковали наших коллекторов. Я уж думал, Вы о коллекторах будете говорить, а Вы – о регулировании, надзоре в основном.

Г.А. ТОСУНЯН

Об этом столько сказано уже, это настолько возмутительно, что говорить не очень хотелось. Но поправки...

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Я согласен, Гарегин Ашотович, возмутительно, что Государственная Дума так долго принимает этот законопроект. Это действительно возмутительно.

Анатолий Геннадьевич, будьте добры.

Э.Э. РОССЕЛЬ

Николай Андреевич, а вопрос можно задать?

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Гарегину Ашотовичу? Конечно.

Э.Э. РОССЕЛЬ

Нет, я хотел Андрею Виленовичу вопрос задать. Не знаю, Гарегин Ашотович может ответить или еще кто-то. Вы цифры показали по инвестициям о том, что капитализация была сделана в прошлом году 800 миллиардов, а на инвестиции пошло 45 миллиардов.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

450 миллиардов.

Э.Э. РОССЕЛЬ

450, да. При таком объеме инвестиций, которые в течение года выдаются на все проекты, Россия лишена вообще движения вперед. Потому что анализ, который... я изучал по 80 странам... Там объем инвестиций 30 процентов от ВВП делается, а в более развитых государствах – до 50 процентов. Но если у нас в прошлом году 3 триллиона была продукция, то нужно 1 триллион инвестиций минимально, чтобы хоть чуть-чуть двигаться вперед. А, я смотрю, "шаманы", которые у нас есть в экономике, все время гадают, упадет Россия на 3,5 процента или на 2,5 процента. Я

никого не вижу, чтобы сказали: "Подождите, у нас вот есть какое предложение, и будем расти".
Есть какое-то соображение, чтобы мы хоть немного двигались вперед?

А.Г. АКСАКОВ

Давайте я попробую ответить. Моя очередь выступать, я постараюсь быть не шаманом.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Анатолий Геннадьевич, пожалуйста.

А.Г. АКСАКОВ

Я председатель Комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству. 80 миллиардов ВВП, 14 триллионов примерно инвестиций (это меньше 18 процентов).

Путин ставил задачу в майских указах, что на сегодняшний момент должно быть 25 процентов.

РЕПЛИКА

Это тоже мало.

А.Г. АКСАКОВ

Да. Для того чтобы на 25 процентов выйти, нам нужно еще 6 триллионов добавить к 14 триллионам. И, естественно, встает вопрос, где их взять. Банки, уже сказали, не 6 триллионов, а 400 с лишним миллиардов дали кредитов в инвестиции. Но это намного меньше, чем раньше они давали в инвестиции.

Более того, если взять начало года, кредиты сократились, активы сократились, причем кредиты – по всем направлениям: кредиты экономики уменьшились более чем на 2 процента, кредиты нефинансовому сектору тоже уменьшились более чем на 2 процента. Правда, по физическим лицам они меньшими темпами падают, но, поскольку в предыдущие годы темпы падения были очень высокими, сейчас уже низкая база, падать практически некуда.

Поэтому, естественно, возникает вопрос: а что делать? Вот мы говорим о повышении эффективности и успокаиваем себя, что у нас все устойчиво. Наверное, устойчиво на очень низком уровне. Первый шаг, который необходимо сделать, и я считаю, что мы сегодня должны об этом сказать, поскольку наши парламентские слушания проходят накануне заседания совета директоров, которое будет определять уровень ключевой ставки (она сегодня 11 процентов, а инфляция уже приближается к 7 процентам)... Центральный банк снижал ключевую ставку, когда инфляция была 18 процентов, 15 процентов, то есть снижение ключевой ставки никак не влияло на уровень инфляции, инфляция все равно продолжала снижаться. Сейчас есть все объективные

условия для того, чтобы Центральный банк мог решительно снизить ключевую ставку до однозначных величин. Хотя бы психологически 9,9 процента обозначил, это был бы такой сигнал: вот у нас ключевая ставка на уровне однозначных величин.

Понятно, что надо активизировать использование так называемых специнструментов. Есть у Центрального банка программа поддержки малого и среднего бизнеса под 6,5 процента, но под эту программу подходили только банки с капиталом 100 млрд. рублей. Ну, так Корпорация МСП решила. Сейчас, правда, уже вроде бы принято решение о том, что будут допущены банки с капиталом 50 млрд. рублей и выше, то есть больше банков по этой программе сможет получать деньги под 6,5 процента. Значит, они смогут давать относительно дешевые (под 11 процентов, может быть, под 12, но для малого бизнеса это хороший процент) кредиты. Это надо быстрее сделать, соответственно, тогда кредитов больше будут запрашивать потенциальные заемщики.

Но при этом мы должны понимать, что только со стороны банков инициативы не может быть, потому что хороших заемщиков-то тоже недостает. В прошлом году прибыль в 1,5 раза больше, чем в позапрошлом году. Причем в обрабатывающих отраслях – 30 процентов прибыли, которую получили предприятия, но они эту прибыль не направили в инвестиции. Вот эти 6 триллионов можно было спокойно взять из этих 11 триллионов, которые в прошлом году наша промышленность получила, экономика получила прибыль. Но она не пошла в инвестиции, потому что, значит, есть другие причины, которые определяют поведение бизнеса. Ему не надо было даже брать кредит, у него свои, бесплатные деньги – вот прибыль, а они ее не направляли.

На мой взгляд, это связано с неопределенностью, которая есть у нас в том числе в экономической политике, потому что закон о стратегическом планировании был принят уже три года назад, а до сих пор стратегического плана нет. Нет стратегического плана – значит, непонятно, что будет происходить, Эдуард Эргартович. Соответственно, поскольку бизнес не знает, какие планы у нас с вами, он тоже не может планировать свою деятельность. А поскольку он не может планировать свою деятельность, он не будет инвестировать. То есть нам надо первый шаг сделать – как можно быстрее определиться со стратегией, что мы будем делать в течение ближайших лет. Тогда все остальные, понимая планы власти, будут тоже строить свои планы, будут свои деньги вкладывать, естественно, привлекать кредитные ресурсы.

Но я хотел все-таки вернуться к банковской системе, есть конкретные предложения. В последнее время нас Центральный банк в том числе призывает оптимизировать бизнес-модели кредитных организаций. Бизнес-модель – это снижение в том числе издержек.

Объем материалов, которые кредитные организации должны представлять в Центральный банк, все время растет. Он уже сравнялся с тем объемом информации, которую банки должны представлять во время плановой или внеплановой проверки со стороны ГИБР. То есть вот этот вал информации, которую необходимо представлять, требует большого отвлечения сил, это издержки для банка. Очевидно, с этим надо что-то делать, хотя бы быстрее перейти на электронный оборот в представлении информации, для того чтобы, используя современные технологии, снизить хотя бы в этом плане издержки. К сожалению, медленно процесс идет.

Далее. По проверкам Гарегин Ашотович говорил. Проверочный документ, этот итоговый акт, который Центральный банк предъявляет кредитным организациям, зачастую составляет 1,5 тысячи страниц. И говорят, что за пять рабочих дней кредитная организация должна с ним ознакомиться и выдать все возражения к этому документу. Практически невозможно так объективно и профессионально ответить на замечания Центрального банка. На мой взгляд, надо увеличить сроки (сейчас мы пока говорим о семи рабочих днях), предлагаем Центральному банку увеличить сроки ознакомления с документом. При этом мы считаем, что можно было бы кредитным организациям предварительно ознакомиться с актом, для того чтобы в итоговый документ уже входили объективные замечания. Часто все-таки бывает так, что представители проверяющих структур ошибаются, они тоже люди. И вот для того, чтобы эти ошибки не входили в итоговый документ, надо дать возможность кредитным организациям предварительно ознакомиться с представленными замечаниями. Если это, конечно, касается нормальных банков. Иногда Центральный банк не представляет промежуточный документ, потому что, к сожалению, есть банки, которые хулиганят, и им нельзя давать даже время для того, чтобы они выводили активы и так далее, действовали неправильно.

Сшитые документы дают, вот такой акт, и банк должен переснимать это все и отдавать своим сотрудникам, для того чтобы они готовили возражения на представленные замечания. Тоже, на мой взгляд, простая вещь – отдать расшитый документ, чтобы можно было с ним активно работать и высказывать свои предложения.

По поводу специнструментов я уже сказал. Еще есть так называемый факторинг. Вот факторинг не учитывается при оценке кредитования экономики. Факторинг – это фактически кредитование экономики, потому что он позволяет поставщикам продукции получить деньги быстрее. Например, тем поставщикам, которые поставляют продукцию в торговые сети (там есть законодательно определенные сроки оплаты поставленного товара, и они довольно длительные), факторинг позволяет быстрее получить деньги и, соответственно, быстрее начать осуществлять

свою бизнес-деятельность. Не учитывается факторинг для тех, кто докапитализировался, при оценке наращивания кредитного портфеля экономики. Ну и по отдельным направлениям, скажем, при выполнении госзакупок и закупок госкомпаний, факторинг фактически запрещен. И это тоже создает проблемы, в том числе тем, кто исполняет заказ. Им нужны деньги быстрее, а иногда наши уважаемые крупные компании платежи задерживают на длительные сроки, бывает, до года доходит. И, естественно, это тормозит процесс, иногда создает проблемы предбанкротные и банкротные для тех, кто не может получить деньги за выполненную работу.

Дальше. Часто к банкам предъявляются претензии в связи с тем, что они осуществляют операции с сомнительными клиентами. Но банки зачастую не знают, что у них сомнительный клиент открыл счет и так далее. А Центральный банк знает о нем. Ну, так поделитесь информацией. Пусть дадут информацию, базу данных о сомнительных клиентах, с кем нельзя работать. Я уверен, что банки с удовольствием ее будут использовать, будут закрывать счета, не будут проводить операции и так далее.

Еще один момент, который в последнее время сформировался, – это презумпция виновности кредитных организаций. Есть такая ситуация, есть такая проблема. В последнее время я слышу сигналы от банкиров о том, что со стороны проверяющих структур ЦБ такое отношение: вы изначально нарушители, и мы сейчас вас вывернем наизнанку.

То, что выворачивают наизнанку, – это хорошо. Многие добросовестные кредитные организации, наоборот, говорят: спасибо за то, что выворачиваете. Но вот этот подход – ты изначально преступник или ты не прав уже потому, что я так считаю...

Кто виноват всегда в басне Крылова? Банкир всегда виноват. Это неправильно. Эту атмосферу надо ломать, надо устанавливать атмосферу сотрудничества, для того чтобы тому же банкиру было легче вытаскивать "скелеты", которые испокон веков уже сложились. И очищать систему нужно вместе, а не такими хирургическими методами, топором. Спасибо.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Анатолий Геннадьевич.

Что касается факторинга, два года наш комитет об этом говорит. Вы возглавляете профильный комитет в Госдуме – Комитет по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству. В рамках вашей работы вы отвечаете за федеральный закон № 44. Ну, решите под конец созыва этот вопрос.

А.Г. АКСАКОВ

Вот сейчас идет законопроект, как раз связанный с этим. Я являюсь "толкачом".
Поддержите, мы вместе с Правительством должны добить его.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Это очень важно. Благодарю Вас.

Слово предоставляется Сергею Владимировичу Барсукову. Будьте добры, все-таки про законы нам расскажите, которые вы видите...

С.В. БАРСУКОВ

Николай Андреевич, Вы знаете, дискуссия уже почти пошла по более интересному сценарию, связанному с экономическим ростом, с ролью ключевой ставки в денежно-кредитной политике, с ролью государственных инвестиций в экономическом росте. Дискуссию на эту тему можно вести бесконечно.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Поэтому про законы...

С.В. БАРСУКОВ

Поэтому мы про законы, тем более, в общем-то, мы эти темы обсуждали...

А.Г. АКСАКОВ

Я отвечал на вопрос Эдуарда Эргартовича.

С.В. БАРСУКОВ

Я понимаю, Анатолий Геннадьевич, Вы просто удержались...

О чем я хотел сказать? Есть две новости – хорошая и плохая. Хорошая – это то, что повестка дня, в общем-то, понятна, мы ее обсуждали на банковском совете совсем недавно в Совете Федерации, на съезде АРБ; были парламентские слушания как в Совете Федерации по коллекторам, по микрофинансовым организациям, так и в Госдуме по стратегии развития финансового сектора. Кроме этого, прошло заседание коллегии Минфина, на котором были выступления и Дмитрия Анатольевича, и Эльвиры Сахипзадовны. Повестка дня одна и та же и во многом совпадает с теми ключевыми законодательными инициативами, о которых вы говорили. Но это хорошая новость – что мы знаем о проблематике, и наши руководители тоже держат это на контроле. Плохая новость состоит в том, что нам нужно это все доделать, а времени остается очень мало, по сути дела, май – июнь, после этого начинается новый политический цикл, и мы будем начинать работать, Анатолий Геннадьевич, в лучшем случае, наверное, в районе ноября – декабря. Скорее всего, так.

А.Г. АКСАКОВ

Надеюсь, что вместе.

С.В. БАРСУКОВ

Конечно, конечно. Поэтому Министерство финансов тоже считает, что ваши приоритеты правильные, и мы должны доделать это в течение ближайших двух месяцев. Мы еще к этому добавляем, что очень важно, на наш взгляд, все-таки нам не передавать в следующий созыв вопросы, связанные с регулированием сберегательных и депозитных сертификатов, а также синдицированных кредитов. Это Гражданский кодекс, финансовые сделки. Причем в части сберегательных сертификатов мы, помните, давно говорим о введении института сертификатов, подтверждающих вклады, с отказом от права на получение денег по первому требованию. Мы об этом говорим, наверное, 10 лет. Сейчас уже есть проект закона, который направлен из комитета в ГПУ. И мы считаем, что нам по силам эту сессию закончить с принятыми решениями как в части сберегательных и депозитных сертификатов, так и в части регулирования синдицированных кредитов. Мы понимаем, что это не спасет всю нашу, российскую, экономику, но тем не менее дополнительная правовая определенность нам точно будет нужна.

В части актов на уровне постановлений Правительства... Мы действительно уже ждем постановление Правительства о регулировании размещения депозитов Федерального казначейства, ПФР. Мы там используем механизм отбора банков, прошедших процедуру докапитализации через ОФЗ. Считаем, что это первый этап. Второй этап – это полноценный запуск нашей национальной рейтинговой индустрии, это АКРА и, возможно, другие участники рынка. Причем объем рынка достаточно большой, порядка 300 индивидуальных рейтингов присвоено "тройкой" международных кредиторов, поэтому, в общем-то, в той или иной степени используются при регулировании 300 отдельных рейтингов по международной шкале и в настоящее время порядка 400 рейтингов принято по российской шкале. То есть, в общем-то, объем рынка – это приблизительно 700 эмитентов, которых нам в ближайшее время необходимо будет ввести в контур регулирования, и, соответственно, в течение года мы поэтапно можем переходить на использование национальной рейтинговой индустрии при размещении государственных средств.

В части программы субсидирования ипотеки, которую ведет Министерство финансов, у нас есть данные за март: выдано 37 млрд. рублей. Мы вышли на тот уровень, который был плановым по итогам прошлого года. Это меньше чем 80 миллиардов февраля, когда был такой ажиотаж, связанный с возможностью окончания программы, но программа продлена до конца года, ее лимит увеличен до 1 триллиона, и мы считаем, что эта программа является важным элементом поддержки строительной отрасли и индустрии ипотечного кредитования.

Мы несколько снизили объем субсидирования, сейчас с учетом рыночной ключевой ставки это 1,5 процента. Считаем, что с учетом тенденции по снижению инфляции и возможных прогнозов в связи с этим по снижению ключевой ставки мы сможем закончить программу именно по итогам 2016 года, и финансирование жилищного строительства выйдет на рыночные рельсы, возвратится на рыночные рельсы без дополнительного государственного стимулирования.

В части снижения издержек мы, в общем-то, под вашим контролем ведем работу по доступу к данным ПФР и, второй этап, к данным ФНС. У нас в четверг будет очередное совещание рабочей группы, там есть уже предложения по поправкам в постановление Правительства, которые генерирует Минкомсвязь, которые позволят в полном объеме запустить второй этап по доступу к данным ФНС через упрощенную идентификацию, чтобы снять необходимость прихода граждан для представления запроса в ПФР о состоянии лицевого счета.

И последнее, о чем вы тоже говорили, – проблема длинных денег. То есть мы в целом считаем, что наша функция, Министерства финансов, – содействие инфраструктуре финансового посредничества. То есть мы регулируем банковский сектор, страховой, сектор негосударственных пенсионных фондов и рынка ценных бумаг. Тут ключевой вопрос доверия. В части инфраструктуры длинных денег мы действительно с Банком России готовим предложения по совершенствованию и стимулированию добровольного накопительного компонента, возможности использования на этапе накопления так называемых специальных банковских пенсионных счетов наряду с негосударственными пенсионными фондами, для того чтобы была возможность накопить денежные средства за счет в том числе налоговых льгот и использовать их для дополнительного пенсионного обеспечения. Это основные инициативы.

В части ваших вопросов по программе докапитализации... Действительно, она для нас важна, она действительно большая (1 триллион), она имеет социальную значимость и находится на особом контроле. Совсем недавно Андрей Виленович был на нашем заседании совета директоров Агентства по страхованию вкладов, где мы как раз рассматривали отчет и замечания Счетной палаты, а также отчет о реализации функции контроля за исполнением обязательств коммерческих банков по программе докапитализации.

Мы действительно отчитались, что Правительство приняло решение о том, что значимая часть этой программы была переведена из субординированных займов в формат привилегированных акций. Но это касается четырех банков, которые находятся под прямым либо косвенным владением государства. И с точки зрения корпоративных процедур мы действительно приняли меры по обеспечению дивидендных выплат, соответствующих той доходности, которая

есть по субординированным займам. Считаем, что мы этим механизмом сможем обеспечивать соответствующую доходность, эквивалентную доходность, но тем не менее это совершенно справедливо (это было решение Правительства Российской Федерации, и законодатель нам дал такие права), это дополнительный риск, потому что привилегированные акции действительно имеют бóльший риск в части получения доходов, чем субординированные займы, но это капитал первого уровня.

В части вопросов кредитования... Действительно, тут тоже важный момент. Мы полагаем возможным и необходимым (это было наше коллегиальное решение) учитывать вложения банков и в облигации. И мы это отдельно обсудили. Мы говорили, что, действительно, если посчитать только кредиты, мы имеем соотношение 800 и 400, но если мы приплюсовываем сюда вложения в облигации, то цифра там приблизительно соответствует тем темпам роста, которые банки показывают в своей отчетности. Поэтому это очень важный для нас вопрос, условно говоря, методологический.

С точки зрения контроля и недопущения разночтений, в том числе и по 11 млрд. рублей... Это мы взяли на заметку и, безусловно, обеспечим дополнительный контроль со стороны АСВ, и Банк России также участвует в установлении соответствующих отчетных форм.

Спасибо большое за контроль. И, естественно, мы со стороны Министерства финансов и совета директоров АСВ будем принимать все меры для того, чтобы показать, что хоть эта программа очень капиталоемкая (все-таки 1 триллион), но она, в общем-то, сыграла и будет играть важную роль не только в поддержке банков, но и в целом в развитии экономики нашей страны. Спасибо большое.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Сергей Владимирович.

Коллеги, у нас остается очень мало времени, поэтому я попросил бы наконец-то все-таки банковскому сообществу взять слово.

Владимир Борисович, будьте добры, от имени всех банков, крупных и не очень. С точки зрения банковского законодательства какие меры, Вы считаете, нужно срочно принять?

В.Б. СЕНИН

Николай Андреевич, прежде всего, спасибо большое за приглашение поучаствовать в парламентских слушаниях.

Тут уже много говорилось, что необходимо делать для совершенствования правового поля.

Здесь присутствуют представители и законодательной, и исполнительной власти, и Центрального

банка. Я не знаю, чем банковская система может вам в этом помочь. Анатолий Геннадьевич говорит, что он толкает законы, не всё получается.

Я, наверное, коротко скажу не только от всего банковского сообщества, но и, конечно, от "Альфа-Банка", потому что у нас есть разные взгляды на развитие с госбанками по каким-то вопросам, поэтому я все-таки буду говорить о тех вещах, которые касаются крупных частных банков и, конечно, банковской системы тоже.

Мы знаем о том, что в начале марта Правительство внесло очередной антикризисный план, только он теперь имеет две части по сравнению с планом, который принимался в 2014–2015 годах. Там есть структурная часть, которая направлена как бы на развитие.

Я, кстати, хотел бы обратить внимание на то, что Василий Анатольевич (он уже ушел) много и правильно говорил о тех мерах, которые Банк России принимает в своей части. Эти меры в основном, конечно, направлены прежде всего на контроль (надзор), на стабильность банковской системы. Но, если мы вспомним, в Конституции все-таки написано, что Банк России отвечает и за стабильность банковской системы, и за ее развитие. И, конечно, нам очень хотелось бы услышать и узнать о конкретных мерах (перечне мер), которые направлены на развитие банковской системы. Стабильность – это очень важно, но все-таки развитие – тоже.

Василий Анатольевич ушел, но здесь присутствует Александр Порфирьевич от Банка России, поэтому я обращаюсь к нему.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Александр Порфирьевич ответит.

В.Б. СЕНИН

Но я не сейчас спрашиваю, я просто в процессе... Спасибо.

Если мы посмотрим на этот план Правительства, то на самом деле там по сравнению с предыдущим объемы банковского финансирования, конечно, не такие, как были в предыдущем. Что касается финансового сектора, там, собственно, есть только две крупные меры – это реформирование Внешэкономбанка, где разделение хороших и плохих активов, и докапитализация АСВ, а также достаточно большое количество мероприятий, которые в принципе направлены на устойчивость некоторых отраслей экономики и через них – опосредованное влияние в том числе и на банковский сектор через улучшение состояния предприятий, компаний и, соответственно, взаимоотношений заемщика и кредитора.

С целью повышения эффективности деятельности кредитных организаций мы на разных уровнях (и через банковские ассоциации) предлагаем изменения законодательства, которые

направлены прежде всего на обеспечение экономического роста через банковскую систему. Я таких групп выделил бы три: первое – это поддержка корпоративного кредитования; второе – это сохранение платежеспособного потребительского спроса; третье – это развитие институтов в банковско-финансовой сфере.

Сначала несколько слов о корпоративной сфере. Мы знаем, что в целях защиты предприятий-должников Правительство предлагало (эта работа велась, Игорь Иванович Шувалов ее возглавлял) расширить возможности для применения реабилитационных процедур в делах о банкротстве, которые до недавнего времени... Сейчас они мало задействованы, у нас в основном банкротство происходит, поэтому реальный сектор себя плохо чувствует. Но такая работа проводилась. Из закона, который был про заемщиков, потом он стал более взвешенным... В итоге текст закона посмотрело ГПУ и его благополучно отправили на полку. Когда теперь его будут рассматривать, кто его будет рассматривать – честно сказать, мне не очень понятно. Во-первых, много сил затрачено не только чиновников, но и вообще банковской системы. Мы долго над этим работали, и все это закончилось ничем. А с точки зрения экономики (это же не только банковская система) этот закон на самом деле важен.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Все-таки всякие изменения в законодательстве о банкротстве – это очень чувствительная вещь. И в этом смысле их нужно взвешивать, потому что то, что сейчас будет меняться закон о банкротстве, будет другая история, банки воспринимают очень непросто, потому что надо перестраивать модели и так далее. Поэтому все-таки пожелание такое: либо вернуться к тому тексту, который проработан вместе, либо вообще тогда пока ничего не трогать, потому что все эти вещи не очень хорошо влияют.

Еще одна точка напряжения – это все-таки ужесточение контроля (об этом, кстати, здесь говорилось) со стороны Банка России за качеством кредитного портфеля и залогом. Здесь в качестве основной задачи на 2016 год действительно декларируется проверка качества корпоративного кредитного портфеля, как начисляются резервы. И в конце февраля депутаты внесли в Госдуму подготовленный Банком России проект закона, который усиливает полномочия Банка России в этой сфере. И в соответствии с ним регулятор теперь получит возможность (когда будет принят закон) проведения оценки активов на основании собственных методик оценки. И таким образом банки в принципе утрачивают возможность ссылаться на некую независимую оценку и мнение оценщика в споре с регулятором. Часто говорят, что оценщики, которые это делают, могут так оценить, могут не так. Ну, так, пожалуйста, следите за оценщиками, регулируйте этот рынок. Пускай там будут хорошие оценщики. Это, наверное, все-таки более

правильно в рыночной экономике, чем регулятор еще сам устанавливает нормативы и оценивает. Сделайте хорошую систему, которая следит за оценщиками, и тогда не будет вопросов.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Оценщики необязательны, банк сам может оценить.

В.Б. СЕНИН

Может сам, да, но если есть доверие.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Так вопрос-то в том, что некоторые банки оценивают так, что всем бы по таким ценам продавать.

В.Б. СЕНИН

Естественно, есть вопрос. Но практически если вообще эта история убирается, это тоже странно.

Административное регулирование залогов – это только часть этой проблемы. Поэтому здесь на самом деле следует, с нашей точки зрения, продолжить такую тонкую настройку законодательства о залоге, чтобы сделать эти инструменты рабочими. Несколько таких примеров. Сохраняются неопределенность и противоречие в регулировании залогового банковского счета (вклада). Законодательство о залоге недвижимости (ипотеке) устарело. Нет решения вопросов в части деятельности управляющих залогом (полномочия, взаимодействие с реестрами, статус банкрота), не прояснены особенности залога всего имущества должника.

Все это на самом деле создает повышенные правовые риски и не позволяет заемщикам и кредиторам использовать обеспечение в российском праве. Потому что у нас информация о залогах фиксируется вообще в разнообразных реестрах, которые ведутся разными органами еще плюс ко всему (в зависимости от вида имущества) и часто дублируется. Недвижимость у нас – в ЕГРП, движимые вещи – нотариусы, ценные бумаги – депозитарии, доля в капитале организации – это Федеральная налоговая служба. И, кроме того, информация о залогах имущества, которое принадлежит юридическим лицам, вносится еще в реестр сведений о фактах их деятельности.

В этом смысле что мы предлагаем? Просто навести порядок в разрозненной системе регистрации залогов, убрать дублирование, где это возможно. Это очень сильно снизит затраты участников оборота. И банковская система на самом деле ждет от Банка России не только административных мер, о чем я говорил, но и совершенствования гражданско-правового регулирования. Алексей Геннадьевич тоже ушел, он сказал, что у них есть предложения, но пока мы о них не слышали.

Другая мера, которая способна оживить корпоративное кредитование, – это усиление ответственности недобросовестных собственников предприятий и организаций, которые злостно уклоняются от возврата банковских кредитов. Я могу просто сказать, что у нас в банке последний год каждую неделю проходит мероприятие, которое называется "комитет по просроченной задолженности". Сами акционеры тоже участвуют. Там рассматриваются наиболее крупные дела по невозвратам. Если год назад у меня папочка была вот такая, то сейчас она уже такая. Вся эта история растет. К сожалению, может быть, еще правовая культура действительно не сложилась, все-таки у нас 25 лет реального рынка. В общем, начинается возврат, когда начинается либо уголовное преследование, либо когда начинается банкротство. До этого момента...

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Тогда у Вас папочка должна уменьшаться.

В.Б. СЕНИН

Да. Но просто дел становится больше. Понимаете? Поэтому все-таки очень хочется, чтобы действительно те, кто не возвращает кредиты, несли соответствующую ответственность, а не бегать за ними, так сказать, по всему миру, по разным юрисдикциям. Это большие издержки банков и так далее.

Теперь коротко о розничном секторе. Тоже есть серьезные риски, которые имеют, вообще говоря, регуляторную природу.

Вы сказали по поводу коллекторов, но я все-таки два слова скажу, потому что тема важная и закон будет приниматься, мы это все понимаем. На самом деле, с нашей точки зрения, то, что предлагается пока в первом чтении (сейчас будут готовиться поправки ко второму чтению), существенно ограничит возможности кредиторов по возврату просроченной задолженности. Ко второму чтению подготовлены поправки (они в том числе внесены и депутатами), которые призваны, как нам представляется, возможно, восстановить некий баланс интересов. Конечно, коллекторская деятельность должна регулироваться, никакой неправовой истории быть не должно. Для этого кроме законопроекта о коллекторах существуют и Уголовный кодекс, и Кодекс об административных правонарушениях, которыми надо как следует пользоваться.

Одна из наиболее спорных новелл законопроекта – это право должника отказаться вообще от общения с кредитором, его представителями. Отказ должника от общения является, с нашей точки зрения, достаточно грубой ошибкой. По сути, мы всю процедуру взыскания направляем в суд и в исполнительное производство. Я приведу только одну цифру: по итогам 2015 года судебные приставы смогли взыскать лишь 2 процента от всего объема задолженности по

исполнительным листам по банковским долгам граждан, это всего 36 млрд. рублей. И при такой эффективности взыскания потери банковской системы превысят, по нашей оценке, 0,5 трлн. рублей.

Материальная база обеспечения работы судебных приставов крайне слаба, и на сегодняшний день это самая перегруженная правоприменительная структура: в год она должна обрабатывать почти 60 миллионов производств, и рост эффективности здесь возможен только за счет перенесения части взысканий на досудебную стадию. И нам кажется, что государственный подход состоит в том, чтобы добиться баланса в системе возврата задолженности на всех этапах: досудебном, судебном и в исполнительном производстве.

Следующая тема – регулирование платежных услуг. В связи с созданием НСПК (Национальной системы платежных карт) появляются предпосылки для того, чтобы вернуться к вопросу, который мы (имеется в виду, банки) поднимали в свое время, об ограничении наличных расчетов с участием граждан. В 2012–2014 годах мы уже обсуждали эту тему и с Банком России, и с Правительством, и тогда предлагалось ограничить наличные расчеты суммой в 600 тыс. рублей. Однако основными аргументами против такого решения три года назад как раз были недостаточное развитие инфраструктуры карточных платежей и невозможность практического контроля за торговыми предприятиями.

В новых условиях, сегодня, оба этих возражения могут быть сняты. Прежде всего, запуск НСПК дал толчок развитию карточной инфраструктуры, а контроль становится возможным в связи с принятием изменений в закон о контрольно-кассовой технике в результате запуска новой системы онлайн-фискализации.

Нам кажется, что к этому вопросу можно вернуться, по крайней мере это предлагается. Я сейчас не буду долго останавливаться на этом, но, я думаю, понятно, почему это может быть выгодно экономике и всем.

Еще одно направление (об этом тоже говорилось) – это сокращение числа операций, подлежащих обязательному контролю. Издержки банков по идентификации клиентов сократятся в результате внесения изменений в закон № 115 о противодействии легализации (отмыванию) доходов. Кстати, они инициированы и Банком России, и Росфинмониторингом на эту тему. Если это произойдет, мы, банки, будем благодарны. Я думаю, что это будет очень правильное действие в этом направлении.

Еще один момент. Непременным условием такого долгосрочного кредитования (что хотят, собственно, и банки, и вся экономическая система) является, конечно, удлинение банковских

пассивов. Для этого все-таки предлагается внести изменения в законодательство и допустить открытие действительно срочных безотзывных сберегательных вкладов. И, кроме того, конечно, следовало бы сохранить за частными банками право на доступ к средствам бюджетов внебюджетных фондов.

В последнее время проявилась тенденция (она нормативно регулируется, законодательно) о том, что серьезно сузился круг банков, в которых допускается размещение временно свободных денежных средств (депозитов) организаций с государственным участием. Мы знаем, что в Правительстве готовится проект постановления на этот счет, по Федеральному фонду обязательного медицинского страхования, если я не ошибаюсь. У нас там было много предложений, в том числе об участии банков в системе докапитализации через ОФЗ, но, насколько мы знаем, сейчас там включен пункт по размеру капитала, там 250 миллиардов. Но я бы сказал так: нас, "Альфа-Банк", это устраивает (всего шесть банков попадут в эту историю), как остальных – я не знаю, но хотя бы какая-то подвижка есть. Но вопрос доступа к этим деньгам – это очень важная история. Говорят, что сейчас ликвидности в банковской системе много. Да, действительно много. Но казначейство любого банка всегда будет за то, чтобы у него была возможность занять. Если эта возможность есть – значит, это совершенно другая история, если нет – тогда плохо.

Еще одна тема, вернее, вопросы, которые позволили бы остановить спад в сегменте розничного кредитования (об этом тоже говорилось), – это технологический допуск банка к информационным системам органов власти и более эффективная работа с бюро кредитных историй с целью проверки кредитоспособности клиентов – физических лиц. При этом задача доступа к информационной системе ПФР до сих пор по факту не решена. Я помню, Эльвира Сахипзадовна проводила совещание, я не знаю, уже, наверное, год прошел...

РЕПЛИКА

Два с половиной.

В.Б. СЕНИН

Два с половиной. Проводится работа, все участвуют (ну, все, могу перечислить), но по факту у нас доступа до сих пор нет. Это безумно долго.

И по остальным – что касается и ФНС, и так далее. Действительно, это позволит улучшить понимание состояния заемщиков, соответственно, понизится ставка и так далее, это абсолютно очевидные вещи. И здесь на самом деле абсолютно все в руках органов власти, их взаимодействия и быстрого продвижения этих вопросов. Больше здесь каких-то преград, по большому счету, нет.

И последнее – повышение эффективности судопроизводства и исполнения судебных решений. Здесь представляются необходимыми такие практические, точные шаги в сфере законодательства, которые направлены и на материальное обеспечение, и на организацию судебной работы. Большая часть дел по возврату задолженности по кредитным договорам могла бы рассматриваться в упрощенном, ускоренном режиме по причине своей бесспорности. И для рассмотрения сложных финансовых споров, наверное, целесообразно, может быть, сформировать специальные составы судей, которые включали бы специалистов узкой квалификации, которые понимали бы предмет того, что они рассматривают. Если какая-то часть из этих мер, о чем я говорил, будет реализована, мне кажется, это поможет не только банковской системе, но и в целом экономике. Спасибо.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Спасибо, Владимир Борисович. Мне кажется, очень конкретные и правильные предложения, во всяком случае часть из них – точно. Я-то как раз не могу согласиться с подходом Правительства в части государственных средств, потому что, мне кажется, плодить эти группы... Ладно, были государственные ОФЗ и все остальные, сейчас сделали еще один – 250, потом еще какие-то появятся – свыше 100 миллиардов. Ну, как-то странно... Странно, что у нас размер капитала имеет принципиальное значение при определении такого важного параметра, как степень доверия к тому или иному банку.

Коллеги, Сергей Николаевич, наверное, имеет смысл закругляться с нашими парламентскими слушаниями, потому что все лимиты уже исчерпаны.

Единственное, я должен, наверное, задать вопрос: может быть, кто-то хочет буквально очень кратко выступить или задать вопросы участникам? Может быть, кто-то настаивает?

ИЗ ЗАЛА

Не настаиваем.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Коллеги, если никто не настаивает, все конкретные предложения, которые мы сегодня услышали, мы обязательно обсудим на заседании комитета и включим в решение наших парламентских слушаний.

Я всех благодарю за участие. Извините за то, что немного перебрали со временем. Спасибо.

